

Ab ovo usque ad mala
Ad patres
Ab ovo usque ad mala

Плесень духа

I'm
crazy

Spiritum fingunt

Виктор Чирков

Плесень духа (spiritum fingunt)

«Accent Graphics communications»

2020

Чирков В. Н.

Плесень духа (spiritum fingunt) / В. Н. Чирков — «Accent Graphics communications», 2020

ISBN 978-5-6040461-2-8

Плесень – понятие относительное и многозначное, как и суть книги. Герой, независимо от своего желания, вступает в мистическое взаимодействие своего сознания и подсознания с загадочными структурами, которые проецируются в его голове как нити мицелия, вирусные формы, пытающиеся создать непонятные связи. Реальному осмыслению происходящие события не поддаются. Что это? Проявления шизофрении, проникновение в наш мир и рассудок героя демонических существ или вселенского разума? Действие романа разворачивается в Санкт-Петербурге, Франции, Испании, Армении, на острове Пальма-де-Мальорка, в мавританском Гуэль-Эр-Ришат – загадочном «Оке Сахары».

ISBN 978-5-6040461-2-8

© Чирков В. Н., 2020

© Accent Graphics
communications, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктор Чирков

Плесень духа (spiritum fingunt)

*Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку -
Каждый выбирает для себя...*

*Юрий Левитанский
Или ему так кажется...*

© Виктор Чирков. Плесень духа. (spiritum fingunt)

© Виктор Чирков. Иллюстрации в тексте <http://chirkovvictor.ru>

Глава 1

Борт А319 АФ 1153, Санкт-Петербург – Париж, 6 апреля

Солнечный свет дарит жизнь – так устроен наш мир, так устроена наша психика. Восход очищает, все начинается с него.

Утро, прелестное утро стучалось в тонкие полоски металла, пытаюсь проникнуть в жильё и прогнать остатки ночи. Цепочка солнечных бликов от вырезов для механизма жалюзи, ведомая солнцем, неторопливо направилась из спальни в гостиную.

Ветер качнул завесу, по жалюзи прошла рябь, блики заметались по полу, следующий порыв ветра создал волну, с шелестом прошедшую по шторе. Пятно света оказалось на стекле шкафа и, отразившись, упитанный солнечный заяц прыгнул прямо на лицо спящего под пледом...

Яркая вспышка света вырвала меня из сна. Шея и левое плечо затекли, все-таки спать сидя – это неудобно. Наконец глаза окончательно адаптировались, а кровообращение в плече восстановилось. По экрану телевизора бегал товарный знак сетевого плеера, словно шайба, налетая на края. Эти два чуда современных технологий никогда не могли договориться между собой. Нет, изображение было великолепным, а вот кто кем управляет, и что считать наличием сигнала – оставалось тайной. Менялись прошивки, исправлялись старые ошибки, появлялись новые, но труд производителей не влиял на алгоритм поведения сладкой парочки.

– Не помню, на чем уснул, – ворчал я, пытаюсь найти пульт в складках пледа.

Пластиковая коробочка покатила по полу.

– Наверное, их следует делать из резины.

Ногой мне удалось дотянуться до пульта, не выбираясь из-под пледа целиком, и вожделенная коробочка оказалась в руках. Экран ожил, каталог содержал файл с предельно понятным названием из смеси латинских символов, слов и цифр вида 10_106°16o__5o_3p-18i22kh=Ad_patres_Legio III Augusta.mkv размером более 30 гигабайт. Большой объем говорил о хорошем качестве фильма. В свойствах почему-то стояло «The Last Legion», «Последний Легион»: боевик, фэнтези и т. д.

– И что меня потянуло на просмотр, никогда не увлекался Римской империей. Надо умыться.

Во время чистки зубов плечо снова зануло. С помощью второго зеркала на шкафу за спиной удалось разглядеть солидный синяк с ровными краями.

– Я что, ударился во сне?! Или столь вжился в сюжет, что киношный меч оставил след даже через воображаемые доспехи? Да. Разговариваю сам с собой... Клиника.

Пока я выбирался из одеяла, изучал спину и принимал душ, солнце пробралось и на кухню. Редкое апрельское солнце подняло настроение. Предстоял короткий весенний отпуск. Два желания – кофе и проверка почты некоторое время боролись друг с другом, почта победила. В ней оказалось два сюрприза и оба от моей неугомонной подруги. Если о первом я догадывался: предложение посетить Париж на неделю, то второе... В путешествие я еду один. Нет, никто никого не бросил, я должен ее понять, но конец месяца, начало квартала, подготовка к чтению лекций и прочие обстоятельства работы не дают ей возможности отправиться в этот романтический рай. Короче, электронный билет, программа и наилучшие пожелания ко дню рождения во вложении. Дата вылета – воскресенье, шесть пятнадцать утра. Странное чувство возникло в глубине души от этих сюрпризов, и эмоции подавили здравую зародившуюся мысль, что сейчас почти середина апреля! Какой конец месяца?! Впрочем, потере бдительности

сти есть оправдание, не каждый день тебя девушка ловко выставляет в Париж, спрыгнув в последний момент с подножки отходящего поезда. Билет и программа были распечатаны. Мое внимание переключилось на папку с фильмом. Там лежал файл без расширения... Любопытство – страшное качество. Но открытый в записной книжке файл содержал, вопреки ожиданию, лишь странный текст на русском языке. То ли цитата, то ли пророчество, может, фрагмент литературного произведения или комментарии к модной передаче на каком-нибудь канале.

«Обстоятельства, цепь событий, судьба. Отбросив незначительные факты, упростив картину, осмыслить причинно-следственные механизмы в лавине информации и понять: почему, откуда и что будет...»

Допущения и условности порождают неточности, кажущиеся случайностями. Веками помогала вера, но она практически утрачена, став суррогатом и предметом торговли. На смену пришла иллюзия возможности управления миром и себе подобными вокруг, она довершила распад разума, породила целый букет из программ: от «управляемого хаоса» до «золотого миллиарда».

Ну и что? Да чего только не болтается в сети вместе с фильмами, – решил я. Затем скопировал программу путешествия, билеты и зачем-то этот файл в планшет и отправился завтракать.

Традиция субботнего вкусного утреннего ритуала пересилила лень. Горячие бутерброды с крабовыми палочками... Хотя, что в них от крабов?! Пожалуй, только название, а суть – треска, и то если производитель не обманул. Белый хлеб, майонез... Да, здоровой едой и не пахло. Палочку следует разрезать вдоль, положить половинки надрезом вверх, капнуть соевый соус. Кстати, хороший соус – дорогая штука... Соус, растекаясь, заполняет структуру палочки. Прикрыть тонкой пластинкой помидора, посолить, поперчить, немного смазать кетчупом и накрыть куском сыра, как вариант – посыпать тертым сыром. Теперь в микроволновую печь на несколько минут, до оплавления сыра... А как пахнет утренний кофе из машины высокого давления... впрочем, кому что нравится. Вариантов бесконечное количество. Организатору моего тура нравится так, но... Ох уж эта ее работа, но, как говорится, приняв правила игры, не стоит трепать себе нервы, нужно расслабиться и получить удовольствие, шинкуя салат в праздничный день, поскольку работа и опять работа, а королева появится вечером. Увлечшись размышлениями на эту философскую тему, я обнаружил на блюде двойную порцию вредных для организма бутербродов.

– Увлекся, однако. Впрочем, какая проблема, справлюсь, – ухмыльнулся я, – не в первый раз, а пузико украсит мужчину. В конце концов сварю две чашки кофе, как обычно.

Вместе с двойной порцией возникла мысль «позвонить и разобраться», вот только что это даст? Каждый выбирает по себе... К утреннему кофе все равно уже никто не появится, а сюрприз превратится в скандал. Помытый горячей водой апельсин разлил по кухне восхитительный аромат цитрусовых плодов. Все, уже все. Теперь требовалось только две-три минуты, и завтрак готов, главное – не отвлекаться, иначе кофе могло перелиться через край, поскольку машина не умела отмерять воду. По той же причине не стоило включать в этот момент телевизор, а тем более лезть в интернет или звонить кому-либо.

День прошел без событий. Прогноз погоды в городе мечты не сулил ничего хорошего, точнее, нового по сравнению с городом на Неве. Весну в Париже обещали холодную. Чемодан был собран, такси заказано, других разумных способов успеть на утренний рейс не существовало.

Наступило утро. «Как мне нравится встать посреди ночи и отправиться куда-нибудь в путешествие...» – размышлял я, пытаясь запихать в себя кофе и какой-то творожок. Но моя подруга всегда приводила железный аргумент о пропавшем дне, и путешествие начиналось часа в три-четыре утра.

Пришло сообщение: «Вам назначен белый...» Я сполоснул чашку от кофе, который, впрочем, не произвел на меня никакого действия. Вынес мусор, не переставая ворчать. Неужели романтическое путешествие должно так начинаться? Зазвонил телефон.

– Машина подана, – произнес автоинформатор.

Приятный женский голос напомнил информацию о цвете и регистрационном номере.

– Теперь все, путешествие начинается, – произнес я, проверяя документы, кредитки, деньги. Кто бы мог знать всю глубину и смысл этой фразы. Но обычно определить четко момент, когда ты стоишь на развилке – невозможно. Вероятно, мировой пространственно-временной континуум имеет размытые области неопределенности, которые невозможно отнести к отдельной плоскости событий, связывающие разные реальности. Точка перехода создает иллюзию выбора, вот только способен ли человек отсортировать все неопределенности и сложить их таким образом, чтобы чаша весов склонилась к нужной реальности... А если у весов много направлений?!

На улице еще царила ночь, в этой реальности у подъезда замер белый автомобиль с логотипом компании.

Машина тронулась. Водитель достал очки и уставился на планшет, висевший на липучке прямо на лобовом стекле под зеркалом заднего вида. Устройство слегка загоразивало дорогу. Продолжая медленно ехать по заставленному автомобилями проезду, мужчина, наконец, обернулся.

– Без очков новый заказ не разберу, мелко, – потом посмотрел вперед и добавил, – а в очках дорогу не различаю и габариты не чувствую.

У меня внутри все похолодело, и разные философские «от чего и почему» улетучились полностью. Такси благополучно выехало на магистраль, водитель убрал очки. Мысль: «Ранним утром в выходной день улицы практически пусты» – конечно, успокаивала... Но у судьбы на меня, видимо, были свои планы, и встреча такси с другим участником движения по дороге в аэропорт в них не входила. Через сорок минут я был в зале ожидания.

Следующий сюрприз ждал меня у стойки регистрации, Air France не регистрирует в ручном режиме, только «on Line».

– В зале есть терминалы, – объявили на стойке.

– Об этом я забыл.

Пока мой взгляд искал с чего начать в меню, рядом появился консультант.

– Здравствуйте. Возникли трудности?

Не дожидаясь ответа, милая девушка взяла распечатанный билет, паспорт, быстро-быстро ввела данные.

– У окна? Впереди крыла?

Я только успел кивнуть, подумав: «Откуда ей известны мои предпочтения?». Она вручила вылезший из терминала посадочный талон и документы, оценила чемодан.

– В ручную кладь нельзя, – и отправила на приемку багажа в символическую очередь из трех человек.

Багаж отправился своей дорогой, я своей. Мимо очереди паспортного контроля по отдельному коридору прошествовал экипаж самолета Air France. Одинаковая элегантная форма и даже чемоданы в одном стиле в тон форме... Место перед крылом, литера F у окна, на два других так никто и не сел, словно кто-то оберегал меня от лишних разговоров. Впрочем, это можно списать и на не полностью заполненный салон лайнера, и необходимость равномерной загрузки самолета. По проходу проплыла, элегантно покачиваясь, стюардесса, опрыскивая салон дезодорантом. Конечно, экипаж ночевал в отеле, а самолет – на открытом воздухе, и промозглая весенняя сырость пробралась внутрь... Этого французский нос вынести не мог. Взлет прошел ровно, завтрак ничем не запомнился, кроме маленьких бутылочек вина. Франция началась прямо на борту.

Глава 2

Concorde Opera Hotel, Paris, France

Самолет выскользнул из облаков, плавно снизился и аккуратно коснулся полосы. Главный аэропорт Парижа и Франции имени Шарля де Голля встретил морозящим дождем и оставил в памяти желтые стрелки с изображением чемоданов и символов паспортного контроля. Надо отдать должное – обе процедуры прошли быстро и четко. Среди толпы встречающих я довольно быстро увидел темнокожего мужчину с нужной табличкой. На ней значилась моя фамилия и Concorde Opera Hotel.

Водитель немного говорил на английском, но, увы, так же мало, как и я... Доехали быстро.

– Да, воскресное утро и в Африке воскресное утро, – произнес я на родном языке, принимая чемоданы.

Мужчина засмеялся.

– Мерси, – добавил я, но не успел насторожиться, поскольку мгновенно был подхвачен вместе с чемоданом служащими отеля, причем меня отправили к портье, а чемодан, снабдив липкой наклейкой – в неизвестном направлении.

На стойке регистрации попросили паспорт, быстро порылись в какой-то папке и сообщили, что придется немного подождать, номер еще не готов. Я, собственно, на готовность и не рассчитывал, поскольку «check-in» в отеле наступал после двенадцати часов. Словно прочитав мои мысли, портье тут же пояснил, что они просто не предполагали, что я так быстро получу багаж и доберусь до отеля. Номер, как я и просил – повыше.

Такой просьбы я за собой не помнил, надо полагать, привет от подруги. Здравая мысль, что она никогда не звонит в отели и вообще из иностранных языков знает итальянский и немного немецкий, но никак не французский, выскользнула, не получив развития. Пройдясь по огромному холлу, я расположился в кресле недалеко от ресепшен и предался созерцанию архитектурного великолепия.

Поисковик в планшете заботливо подсказал, что отель Concorde Opéra был построен в конце XIX века как новый отель класса люкс в Париже, чтобы разместить состоятельных иностранных посетителей, приехавших в Париж на Всемирную выставку 1889 года. К столетнему юбилею отеля в 1989 году была предпринята тщательная реставрация фойе. С 1973 года фойе отеля получило статус исторического памятника. Удобное расположение, близость к вокзалу Saint Lazare, пересадочный узел метро – что еще пожелать гостю Парижа? Стойка персонала полностью соответствовала интерьеру. Служащие суетились, изображая занятость...

Портье, заметив, что я наблюдаю за ним, помахал рукой. Номер был готов.

Мне вручили карточку-ключ, вложенную в маленькую книжечку с вписанным номером комнаты, паспорт, визитку отеля и рекламу ближайших достопримечательностей и остановок общественного транспорта.

– Ascenseur là, – произнес портье, внимательно посмотрел на меня и добавил, – lift there.

– Merci bien, – машинально ответил я.

Где-то в памяти застряла мысль, что французы простят вам незнание языка, обычаев, некоторую неловкость или оплошности всего за три слова – «Merci, pardon, bonjour», как бы коряво вы их не произносили. После выданного «bonjour» с вами даже могут согласиться говорить на языке заклятых конкурентов времен столетней войны периода 1337–1453 годов – английском.

И без этого любезный портье расплылся в улыбке, произнес целую речь, оставшуюся за гранью моего понимания, и я был сопровожден до лифта другим служащим.

Первый сюрприз ждал в номере – чемодана не было, пришлось спуститься в фойе.
– Pardon. Les porteurs de boire du thé, sorry, porters drink tea, – пояснил портье.

От столь неожиданного ответа мое лицо буквально вытянулось, служащий куда-то позвонил.

– Pardon. Go in the room.

Поднимаясь в лифте, я подумал: «Носильщики пьют чай, надо привыкать. Не факт, что багаж прибывает». К моему удивлению, чемодан прибыл раньше меня... На столике у окна появилась бутылка красного вина и два шоколадных трюфеля. На фирменной карточке отеля было написано: «Welcome present from the hotel». Начавшее зарождаться раздражение улетучилось бесследно. Быстро распаковав вещи, я заглянул в программу – после заселения свободное время. На завтра значилась длинная экскурсия, еще экскурсии, ресторан, посещение Мулен Руж (Moulin Rouge). Отсутствие трансферта до кабаре натолкнуло на мысль посмотреть, где это, и заодно прогуляться по Монмартру.

Из отеля налево, через переход в неприметный спуск. Недолгая борьба с автоматом по продаже билетов закончилась полной победой на пункте «Carnet 10 Ticket Metro BUS Plein tarif», что означало десять взрослых билетов. Приемник купюр зажевал синюю бумажку в двадцать евро, выдал сдачу и билет. Метро Парижа старовато, тесновато и темновато, но зато станции плотной сетью покрывают весь город. Впрочем, в воскресенье имеет значение только последнее – расстояние между станциями менее пятисот метров. Я быстро нашел ветку M12. Путь от Saint-Lazare до Pigalle поезд преодолел достаточно быстро. Затем пересадка на ветку M2, в сторону Blanche. Еще одна остановка.

Кабаре Moulin Rouge оказалось прямо на площади с одноименным названием. Фасад здания действительно выглядел как красная мельница... Впрочем, его уравновешивал зеленый ларек, закрытый железными крышками и расписанный разнообразными надписями, от понимания которых меня спасло незнание французского языка. Морось в воздухе отбила желание пройтись по бульвару и вернула меня в метро, расстояние около восьмисот метров до Anvers по ветке M2 поезд проехал за несколько минут.

Погода на boulevard de Rochechouart не изменилась. Стоило ли лететь так далеко, чтобы немного помокнуть, но я отогнал даже мысль вернуться в номер и улечься на кровать перед телевизором, поскольку она бы мне этого уж точно не простила и если бы не явилась прямо в номер, то потом... Осталось расслабиться и получать удовольствие. Я раскрыл зонт, заглянул в туристическую карту, выданную в отеле. Кафе в красных тонах напомнило мне Cafe Des Deux Moulins (две мельницы). Кафе-бассери из фильма «Амели», главная героиня которого работает там официанткой. Но изучение схемы разочаровало: заведение, ставшее знаменитым в 2001 году благодаря фильму, находилось недалеко от кабаре Moulin Rouge на улице Lepic. Возвращаться ради образа из кино грез не имело смысла.

Ну что ж, окунемся в атмосферу богемного квартала и парижский дождь, сначала вверх, по rue de Steinkerque к place Saint-Pierre. Улица как улица, кафе с завышенными ценами и неважным обслуживанием, магазины сувениров, людская толчея. Прямая туристская артерия к храму Святого Сердца.

Народ постепенно рассредоточился, и когда я оторвал взгляд от очередной витрины, церковь уже появилась в створе улицы. Здание сияло удивительной белизной в обрамлении черных ветвей деревьев, растущих по склону холма. Лирика «неба» хорошо уравновешивалась «меркантильностью земли», в углу сквера разместились ларек сувениров и ярмарочная карусель с аляповатыми лошадками. Оба украшения были раскрашены в веселом балаганном стиле, что особенно ярко выделялось на фоне храма и деревьев. Карусель не работала. Слева от всего этого имелась лестница. Желание пройтись по стометровому мокрому подъему перевесил фуникулер. Небольшая очередь на нижней станции Gare Basse, всего один компостер на «Carnet...», и стеклянная кабина поползла вверх, позволяя любоваться Парижем сквозь капли

воды на стеклах, черные ветви деревьев и туман. Несколько минут – и сто десять метров пути преодолены. Станция Gare Haute. Дождь перестал, морось отступила, открыв белое сердце Парижа, точнее, Sacré-Coeur, что в переводе с французского означает «святое сердце». Собор Сакре-Кёр – высотой девяносто четыре метра, возведен из редкого известняка, который при соприкосновении с водой покрывается белым налётом. Именно поэтому базилика Сакре-Кёр сверкает белизной, по той же причине камень разрушается. Как долго простоит сооружение – большой вопрос.

Наверное, в душе должен был родиться вопль восхищения и трепета, снизойти благодать, но струны божественной арфы молчали.

Информационные технологии разрушили миф, окно в небо для меня осталось закрытым. Может быть – внутри? А может быть, его тут вообще нет, только декорации к мешанине в наших головах и очередному политическому проекту. Над входом статуи Жанны д'Арк (справа) и святого Людовика (слева) работы Ипполита Лефевра. Над ними, в центре, возвышается белоснежная статуя Иисуса Христа. Он – покровитель Лютеции, столицы галлов? Или римлян разрушивших эту столицу и распявших его через пятьдесят два года на другой горе? Люди привыкают ко всему, парижане не исключение. Теперь причудливая имитация византийского храма, башня и белоснежный купол которого стали неотъемлемой частью парижского небосклона.

Собор Sacré Coeur начали возводить в конце XIX столетии по инициативе Католической церкви, желавшей искупить «преступления» Парижской Коммуны. Пресс-папье, придавившее грехи и впитавшее пролитую кровь. Но были и противники строительства церкви, они взяли реванш, присвоив расположенному у подножия монументальной лестницы скверу – скверу Вилетт – имя местного художника, который во время освящения церкви стал кричать «Да здравствует дьявол!». Так чей же теперь это храм, если его имя впечатано в основание изъеденного норами холма Монмартр и вплетено в священную молитву? Строительство Сакре-Кёр было начато в 1876 году, однако вскоре приостановлено из-за нестабильности почвы. В эпоху средневековья там располагались каменоломни.

Для укрепления фундамента пришлось снова изрыть холм. Сейчас возвышенность еще способна выдержать храм и толпы туристов, но если они вместе с базиликой даже и уйдут в объятия недр, останется великолепный вид на Париж. Отсюда город виден как на ладони, окруженный холмами, с клыками новостроек в юго-восточной части, на высотах пригорода Бельвиль и на западе в квартале Дефанс. В самом центре города – башня Монпарнас, а позади нее – высотные дома южных пригородов.

Внутри в этот час оказалось светло и свободно. Я шел под сводами вместе с редкими туристами, словно плыл по течению реки, и любовался убранством базилики. Меня совершенно не беспокоила «неовизантийская мешанина», как определили интерьер критики. Впрочем, католический праздник Святого Сердца Христова, в честь которого базилика Сакре-Кёр получила свое название, волновал еще меньше, как и большинство туристов. Для всех нас, иноземцев, детали мифов и междоусобиц местного населения, приправленные изрядной долей политической конъюнктуры своего времени, оставались лишь запутанной легендой, украсившей собой базилику.

Пустота. Убрать таблички – и останется только красивый камень. Немного постоял в центральном нефе, вялое течение посетителей вынесло меня вместе с какой-то экскурсионной группой к западному входу в собор. Гид закончил говорить на незнакомом языке, и толпа отправилась дальше, мимо пламени поминальных свечей, к главному выходу, а я не мог сдвинуться с места. Что-то тянуло меня к запертой двери. Девушка в длинном плаще с наброшенным капюшоном, как подобает в храме, обернулась, и из сумрака, скрывавшего лицо, прозвучало на моем родном языке:

– Кладбище Монмартр. Старый склеп на дальней аллее. Посети обязательно. После рынка. Там... – она указала рукой на дверь западного входа.

Я невольно повернул голову в указанном направлении... Мужчины чаще всего размышляют последовательно. Дверь как дверь, затем пришло ощущение чего-то знакомого в голосе, движениях, но когда я обернулся за пояснениями, уже никого не было. Начавшая выстраиваться логическая конструкция распалась. Вместо девушки уже образовалось несколько вездесущих китайских туристов с фотоаппаратами. Я вышел из храма.

Спускаться с холма той же дорогой не имело смысла, и я повернул направо, по Rue Azais. Azais – французский писатель, публицист и философ, символично... Еще направо, налево и открылся развал картин местных художников, кафе, пустые уличные столики под холодным апрельским небом и лавки с творениями местного бомонда. Одно из них привлекло мое внимание в пыльной витрине боковой улочки. Старый плакат с символом знаменитого кабаре Chat Noir – «Черная кошка», где зависала вся монмартрская богема от Ренуара до Модильяни.

Дверь бесшумно отворилась, звякнул колокольчик. Внутри было сумрачно, тепло и сухо, пахло пылью. Показалось, что я перешагнул невидимую границу времен и очутился в мире прошлого. Двадцатый век остался за мутным стеклом, а здесь царил...

– Кх...

– Bonjour. Pardon, – машинально произнес я.

Помещение осветилось. Электрические лампы, ровесницы плаката и пыли, давали специфическое желтое освещение. Но теперь стала видна вся комната, заставленная стеллажами с сувенирами, и прилавок, заваленный книгами разных исторических периодов, включая туристский глянec. Немолодой мужчина мгновенно оказался по ту сторону развала.

– Que veut monsieur?

Я улыбнулся и развел руками.

– Souvenirs?

Пришлось кивнуть. На прилавок были мгновенно извлечены бронзовые фигурки, фарфоровые чашки, балерины и прочий исторический и не очень хлам. Нужно было как-то выходить из положения...

– Cat!

Продавец замер. Я поискал глазами символ кабаре, и он нашелся на открытке, вставленной в книгу.

– О! Chat Noir! – воскликнул мужчина, протягивая потрепанное издание.

На книге красовался ценник в десять евро. Я вынул открытку и попытался объяснить знаками, что хочу купить только ее и согласен на цену, но господин прилавка оказался непреклонен.

– Kit! Jeu de documents!

Я положил открытку обратно и заметил, что руки перемазаны типографской краской. Продавец ухмыльнулся.

– Très acheter. La marchandise est gâté.

– Красиво развели, – вздохнул я и махнул рукой, ничего не поняв, кроме необходимости купить еще и книгу, поскольку мой французский ограничивался тремя словами.

Хозяин заведения кивнул, но, заметив, как я пытаюсь достать купюру более чистой рукой, протянул открытый пакет салфеток для оргтехники. Через пару минут я был избавлен от следов типографской краски и извлек из кармана деньги. Интересно, во сколько это мне обойдется, подумал я, протягивая купюру в двадцать евро. Продавец отошел в угол и через минуту вернулся с чеком и белым пакетом. Книга с открыткой перекочевала в пакет.

– Pardon, – продавец снова удалился в угол и вернулся с купюрой в десять евро.

– Мерси.

– Bonne chance!

Я снова оказался под морозящим парижским дождем. Спустился пешком по улице с вывеской Passage de abbesses, вот уж точно «проход». Мне хотелось отнести «прилипший» к рукам сувенир в отель и поесть одновременно. С этими мыслями я повернул налево к метро. По карте станция Abbesses принадлежала прямой линии М12 до вокзала. Промелькнули Pigalle, Saint-Georges, Trinité—d'Estienne d'Orves, и поезд остановился на Saint-Lazare. Еще через несколько минут я удачно выбрал выход и поднялся на площадь, рядом с Concorde Opera.

При виде кафе напротив отеля мысль подняться в номер и занести пакет с сувениром, потом спуститься – разбилась о цифры часов, напомнившие, во сколько я встал, и ноги сами понесли тело к входу в Cafe Marco Polo.

На заведении сбоку висело – «Ресторан», над входом – «Кафе», но такие тонкости меня больше не беспокоили, я хотел есть. Помещение имело несколько залов, уходящих в глубину здания, первый украшали люстры в форме красных глобусов, подсвеченные изнутри, и ска-терти в крупную белокрасную клетку. В этот час внутри оказалось совсем мало народу, точ-нее, толстая парижанка за столиком у прохода, вездесущие китайцы у окна и я. Мое внимание привлек столик у углового дивана в глубине зала.

– Bonjour, – прервал мои размышления официант.

– Bonjour, – ответил я и указал на приглянувшийся столик.

– Vous avec madame, ou un?

«Он-то откуда знает, что я без мадам... Нет, это уже что-то с психикой», – подумал я и произнес машинально, – un.

Второй прибор был убран, официант протянул меню.

– Russian language? – с надеждой произнес я.

– Sorry, only English.

– Toilet...

Я отправился по направлению, указанному официантом, мыть руки, оставив белый пакет с книгой на столе и странным желанием ее больше не видеть. Но, увы, по возвращении я обнаружил сувенир на прежнем месте. Стол украшала маленькая гелевая свеча в стакане, а диван – две подушки под спину. Неглубокие знания английского все же позволили найти в меню fish fillet, potatoes и недорогое белое вино в бокалах.

– Wine, ok?

Официант кивнул, взял меню и указал ручкой на салат.

– Good with fish.

Я согласился, и заказ был сделан. Через несколько минут принесли вино. Приятный запах, я сделал глоток. Французы любят себя, даже недорогой продукт оказался вкусным. Свет свечи причудливо переливался в бокале, словно поддерживая бордовый глобус, не давая ему утонуть в белом вине. Очертания материков, не имевшие ничего общего с оригиналом под потолком, медленно поворачивались. «Алкоголь с коноплей подсунули...» – мрачно подумал я. Пока я размышлял о странностях отражений, толстая парижанка умяла содержимое сырной тарелки и выпила половину графинчика вина.

– Please, – отвлек меня официант от созерцания местной жизни и поставил на стол тарелки.

– Merci.

Да, описывать запахи даже простого блюда бессмысленно. Я углубился в неспешную тра-пезу. Тем временем парижанка съела горячее, допила содержимое графинчика и купила розу у странного типа, появившегося в ресторане. Затем она изучила чек, расплатилась, добавив чае-вые, и покинула заведение. Я уже собрался попросить счет, но Париж – удивительный мир... Дама вернулась и в весьма возбужденном состоянии принялась что-то доказывать официанту, размахивая чеком, розой и сумочкой одновременно. Интересно, что при оплате счет не вызвал у нее столь бурной реакции. Официант выпроводил мадам на улицу, где завязалась легкая

потасовка, детали которой скрыли окно и штора. Через несколько минут официант вернулся, поправляя жилет. «Ну и мне пора», – подумал я, поднимая руку.

– Voulez-vous l'addition?

– Yes, bill.

В моем счете все соответствовало заказу. Я оплатил, допил вино, положил монетку на стол и пошел к выходу.

– Sir, your book!

– Merci.

«Да, забыть не получится», – мелькнула мысль, и я отправился в отель.

В номере я поборол лень и сон. Разобрал чемодан, извлек из него ножик для путешественников (благо во Францию разрешали провозить в багаже) и открыл вино. Запах оказался очень приятным. Затем повесил одежду на вешалки, принял душ, состояние улучшилось. Ложиться спать было еще рано. Впрочем, и идти куда-либо, проснувшись где-то в районе трех часов ночи, не стоило. Первый день, акклиматизация и адаптация – и с этими мыслями я расположился в единственном кресле рядом со столиком. Включил телевизор, среди длинного списка каналов обнаружился один на русском языке. Мое внимание переключилось на подарок от отеля. На столике был один бокал.

– Они что, знали, что я приеду один?! А я не знал! Нет, определенно паранойя, психика не в порядке, нужно чаще отдыхать. Вот уже и сам с собой разговариваю.

Вино подышало, вкус вполне соответствовал запаху. Мне понравилось. Конечно, линейка вин у французов простирается почти в бесконечность, как и ценники, однако подарок для постояльцев в таком отеле с историей просто не мог быть плохим и вполне соответствовал ситуации.

– За приятное путешествие, – сказал я, поднимая бокал.

Мое внимание переключилось на ретро книжный шкаф в углу. Конечно, его назначением было создать соответствующую атмосферу... Книги оказались учебниками конца девятнадцатого – начала двадцатого века.

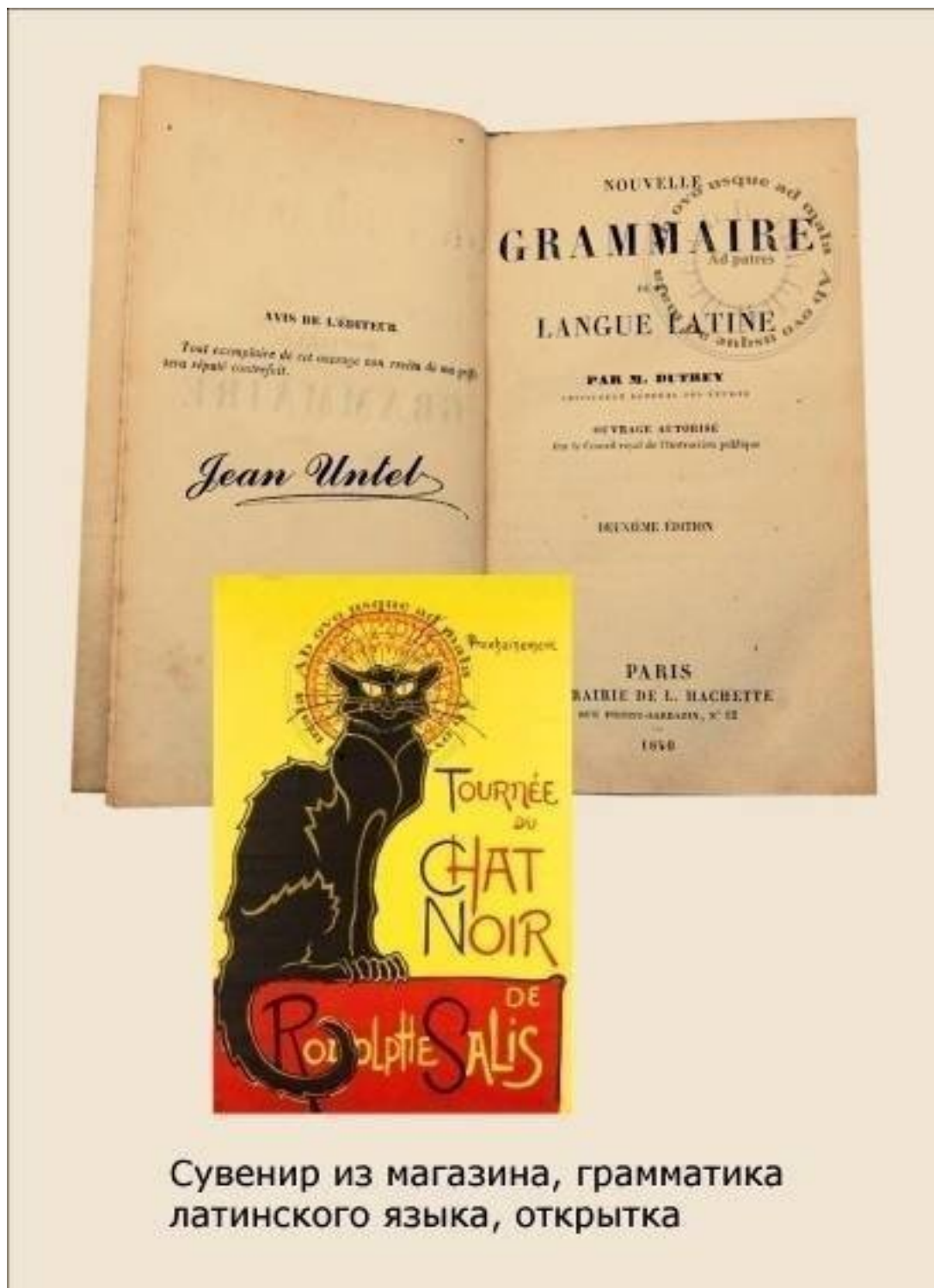
– Ладно, в шкафу детали интерьера, интересно, что же я купил? Открытка – понятно, 1896 Le Chat Noir, а нагрузка? Даже не посмотрел, что впарили...

Я устроился в кресле с бокалом, открыл книгу в месте, где лежала открытка... Под потертой обложкой без надписей скрывалась грамматика латинского языка, издание «Париж 1840 год».

– Да уж, грамматика латыни на французском, обули так обули. Просто два любимых языка, – проворчал я, отпивая вино, – еще и бумага странная, очень уж новая... А открытка хорошая.

Половина второго бокала улучшила мое настроение, и внимание переключилось на шоу. Еще через несколько минут объятия Морфея приняли уставшего путешественника.

Очнулся я через час от зуда в левой руке. Она оказалась внутри закрытой грамматики, прижата обложкой. Там же оказалась и прилипшая к руке открытка.

На внутренней поверхности руки, ближе к локтевому суставу, отпечатался штамп с титульного листа учебника, причем не зеркальное, а прямое изображение. Я отправился в душ и попробовал отмыть пятно, ничего не получилось, но зуд пропал.

– Похоже, придется искать салфетки из лавки сувениров...

«Ну, ну, удачи, вторая загадка», – прозвучал внутренний голос.

– Глюки, – произнес я и пошел спать.

Первый день в Париже, наконец, завершился.

Глава 3

Французская весна

Отступить от программы я не мог, назначенные на неделю Парижской весны мероприятия поглотили все время. Версаль и его огромный парк с фонтанами, Фонтенбло, Замки Луары, Нотр-Дам де Пари, Лувр, могила Наполеона, Мулен-Руж отщелкивали пасмурные дни запоздалой весны. Утром, в день рождения было обозначено свободное время с рекомендованной прогулкой по Елисейским полям.

Ветка M12 Saint-Lazare до Concorde, затем M1 Palais Royal – Musée du Louvre доставила к знаменитому музею. Кофе, пирожное и бокал вина в маленьком кафе, недалеко от дворца. Прогулка вдоль магазинов парижских брендов, как по музею. Один Louis Vuitton на Елисейских полях с ценами для шейхов с Персидского залива, где цена сумочки начинается от 3500 евро чего только стоит, впрочем, жен этих самых нефтяных магнатов это не смущает совершенно, и они набивают пакеты сумочками, часами Rolex и прочими атрибутами красивой жизни. С ними конкурируют жены и свита африканских правителей. Этот ажиотаж порождает еще один... Не стоит даже пытаться получить Tax Free в аэропорту Шарль Де Голль, если ваш рейс приходится на время вылета домой этой категории граждан. Пытаться дождаться своей очереди за гаремом бессмысленно.

Непонятно одно, зачем с упорством, достойным лучшего применения, французы участвуют в свержении разных «каддафи» на востоке и в Африке, грубо разрушая сложившуюся структуру, им, что, эти гости нравятся меньше, чем сотни тысячи беженцев, наводнивших Европу? Скорее всего европейцы считают, что прокормят... А может, чума террора где то не в Париже, или арабские, алжирские и другие дети, выросшие на пособие в третьем поколении, будут трудиться на благо пятой республики? Британцы живут хотя бы на острове, а здесь?!

Размышляя на эти отвлеченные темы, я дошел до Триумфальной арки (arc de triomphe de l'Étoile), монумента на площади Шарля де Голля, она же площадь Звезды. Сооружение возведено в 1806–1836 годах. Начато архитектором Жаном Шальгреном по распоряжению Наполеона и завершено в царствование Луи-Филиппа под руководством архитектора Абея Блуэ. Прославляет, правильно – славу французской империи и войны.

Выполнив этап познавательной-культурной программы, я с чистой совестью мог выпить кофе и немного отдохнуть в отеле. Не обнаружив в арке кафе, я решил отправиться в более знакомое место, к вокзалу Saint-Lazare, благо станция метро имени арки Charles de Gaulle – Étoile, ветки M2 находилась под площадью. Пересадку Place de Clichy на линию M13 я пропустил и оказался на станции Blanche, площадь, где расположена Красная Мельница (Мулен-Руж). Поскольку я уже прогуливался в сторону собора Sacré Cœur, то решил пойти по бульвару в другую сторону.

Потом я много думал над этим, но так и не смог отделить случайность от предопределенности. Нити судьбы здесь были едва различимы, но тем не менее любое действие порождало событие. События, даже незначительные, складывались в стену, порождая точку невозврата...

Сто пятьдесят метров по бульвару, еще где-то сто двадцать по тихой улочке Рашель, и перед моим взглядом ворота кладбища Монмартр – место упокоения многих знаменитостей. Когда-то на месте кладбища был гипсовый карьер, а затем, во времена Великой французской

революции – братская могила жертв революционного террора. Я шел среди склепов и надгробий разных эпох и размышлял о бренности бытия, словно плыл по течению.

«Надо было карту купить», – подумал я, но, заметив в конце аллеи патруль, успокоился, решив, если что – помогут. «А надо прислушиваться к себе», – пронеслось в голове.

Тут что-то кольнуло в левой руке, и я от неожиданности дернулся, взгляд упал на сооружение, ничем особенно не отличавшееся от остальных себе подобных. Надгробие в форме портика с колоннами в римском стиле, узкое и вытянутое вверх... Типовое сооружение своего периода. На верхней балке вырезано имя Jean Untel, на внутренней плите нанесены годы жизни – 17851855. Над датами рисунок с надписями, скорее всего, герб или эмблема упокоенного под плитами. Что-то мне показалось в рисунке знакомым, и я имел глупость подойти ближе к железной дверце и опереться на колонну левой рукой, так что тыльная сторона оказалась направленной на рисунок, а голова попала в проем арки. Болевой толчок в левой руке повторился, но многократно сильнее, показалось, словно тысячи игл впились в чернила на руке. Зрительное поле сузилось до рисунка над годами жизни, закружилась голова от болевого шока. Впившийся в меня зверь перекинулся на голову и выпустил руку, мозг словно оторвался и болтался внутри головы, налетая на острые углы, сопровождая толчками боли. Я начал медленно сползать на землю, хватаясь за колонну, теряя контроль над телом и сознанием. Голова повернулась от судороги в шее, ко мне бежали полицейские. Один успел подхватить меня, прежде чем обездвиженное тело перевалилось через калитку склепа. Вдвоем они довели меня до ближайшей лавочки и усадили.

– *Respirez profondément!* – произнес полицейский и изобразил глубокое дыхание.

Я попробовал дышать, как показал мой спаситель, стало легче. Мужчина сосчитал пульс и покачал головой.

– *Merci*, – поблагодарил я.

Пелена в поле зрения стала рассеиваться, но не полностью, а словно раздвинулась и затаилась по периметру поля зрения. Сердце стало биться спокойнее. Тем временем второй полицейский успел вернуться, осмотрев место происшествия, и на вопрос оставшегося со мной пожал плечами:

– *Jean Untel, l'espace vide.*

Лишь потом я понял, что это значило. Пустое место – конечно, слишком. А вот если имя человека не имеет значения, то в русском мы говорим о нём: «Вася Пупкин, Иванов Иван Иванович, дядя Вася». Во французском это *Jean Untel*.

Я попытался сесть удобнее. Полицейский снова сосчитал пульс.

– *Excellent!*

– Не понял... *Sorry*.

– Превосходно. Я не люблю английский. Один из моих предков, еще в прошлом веке остался в Париже. Я немного говорю на русском. Где-нибудь болит? Вызвать скорую?

– Не нужно. Уже лучше. Наверное, спазм сосудов, – развел руками я. Не ныло даже клеймо на руке.

– Где вы живете, как сюда попали?

– Турист, неделя в Париже. *Concorde Opera Hotel*. Вот карточка отеля, дали если заблужусь.

– *Good hotel!* – кивнул второй карабинер.

– На метро лучше не ехать, заблудитесь еще, или приступ повторится...

– Такси, здесь есть стоянка?

– У входа найдется, – усмехнулся мужчина, говоривший на русском.

Мне помогли встать, проследили, чтобы я не забыл рюкзачок.

– Идти сможете?

– Да, – боль отсутствовала совсем, только требовалось дополнительное усилие, чтобы сфокусировать взгляд при резкой смене плана с конца аллеи на предметы рядом.

За воротами скорби, на улице Рашель я увидел разворачивающийся таксомотор с зеленым маячком «Taxi Parisien». Пришла мысль, вычитанная в путеводителе, что сесть в машину можно только в отведенном месте, у столба с табличкой «Taxi», но у полицейских на этот счет было иное мнение. Говоривший на русском мужчина о чем-то поговорил с водителем, пока второй записывал номер автомобиля.

– Наличные деньги на такси есть? У него нет терминала.

– Да.

– Около двенадцати евро, Concorde Opera Hotel, douze euros! – произнес полицейский, открывая заднюю дверь.

– Merci, возможно, вы спасли мне жизнь.

– Посоветуйтесь дома с врачом, удачи, – и дверь захлопнулась.

На первом же светофоре водитель с нескрываемым интересом принялся изучать меня в зеркало. Загорелся зеленый, и машина снова поехала.

– Concorde Opera Hotel?

– Oui.

Заметив новый прилив интереса обладателя глаз в зеркале, я попытался уточнить свои знания языка, загибая пальцы.

– Pas, oui, merci, pardon, bonjour – it all, – и развел руками.

Во время движения странные ощущения, возникшие у надгробия, окончательно исчезли. Машина остановилась у входа в отель, мужчина показал на счетчик, было ровно двенадцать евро.

– Yes?

– Yes, – согласился я, протянул десятку и пятерку и открыл дверь.

– Полиция и в Африке полиция, найдут, – произнес мужчина и вручил сдачу.

Поскольку все это произошло уже в процессе моего выхода, я осознал язык, только стоя на тротуаре, смотря вслед удаляющемуся автомобилю. «Он что, слышал мою фразу вчера? Это тот же водитель? Ерунда какая-то, приписывать себе афоризм не стоит», – пронеслось в голове. В холле мы поздоровались с портье за стойкой. «Хорошо бы выпить кофе, а есть перед ужином не стоит»...

– Cappuccino coffee, please, – попросил я.

Сегодня дежурил тот же мужчина, что и в день моего заселения, он улыбнулся, кивнул и раскрыл папку с едой и напитками. На мое счастье рядом с пунктами меню и ценой имелись фотографии десертов. Я указал на коричневый бисквит с белым кремом и двумя вишенками. Портье кивнул. В лифте признаки спазма вернулись вместе с полным непониманием того, как привести кабину в движение, как, впрочем, и для чего она. Мой взгляд уперся в глаза отражения в зеркале.

– Странно. Головой не стучался, – прошептал я, тряхнул головой, резкий толчок боли, ввинтившийся в мозг, отогнал наваждение.

Кнопка третьего этажа закрыла двери, кабина поехала. У двери моего номера ситуация повторилась, достав карточку я замер, не зная, что делать. Какая-то пелена отделяла меня от мира. В этот раз выручил служащий отеля.

– Месье?!

Я резко обернулся, молния боли снова соединила с реальностью.

– Cappuccino, please.

– Merci!

– Monsieur tout le bien? Monsieur, good?

– Yes.

Интеллектуальные процессы словно разблокировались и получили доступ к телу, мне удалось открыть замок в номер. Пропуская служащего, я ощутил аромат кофе, и это чувство позволило удержаться в реальности. Когда дверь в номер закрылась, к горлу подкатился комок страха перед новым приступом, сильно зачесалась левая рука.

– Нервы, однако. О... Остатки вина в холодильнике!

Получился целый бокал. Зуд усилился. Засучив рукав рубашки, я обнаружил четкое клеймо, словно ушедшее под поверхность кожи.

– Ха, тавигил!

Может быть, идея была не очень хорошей, но таблетка из походной аптечки, запитая глотком вина с кофе, подействовала. Пятно перестало чесаться, пока я наслаждался капучино с бисквитом. Затем допил вино, кстати, вполне сохранившее вкус. Этот ужасный с точки зрения врачей и диетологов полдник избавил меня от всех симптомов, начиная с головной боли, заканчивая сужением поля зрения, память также вполне работала.

– И надо было так вляпаться... – произнес я, рассматривая клеймо.

Рисунок стал четче и тоньше, но словно погрузился в кожу. Это даже не походило на татуировку, скорее, изображение нанесли тонким пером, но из-за кожи контуры были чуть-чуть шершавыми и ломаными, будто под стеклом. Надпись по кругу печати гласила: «Ab ovo usque ad mala», в центре нанесено – «Ad patres».

– Не французский, – меланхолично произнес я, – но до ужина есть немного времени, употребим его с пользой.

Всемирная паутина при всех ее недостатках и недостоверности позволяла окунуться в незнакомую область мира в одно мгновение (если, конечно, скорость позволяет)... Что я тут же и сделал, благо сеть отеля работала превосходно. Набирать текст на экранной клавиатуре конечно неудобно, но какой тут текст – две фразы. Не мудрствуя лукаво, я настучал латинскими буквами текст с дуги клейма. К моему удивлению поисковик тут же выдал целую кучу информации.

Ab ovo usque ad mala оказалось латинским афоризмом древних римлян и значило примерно следующее: «от яиц до яблок», то есть «от начала и до конца». Далее шло пояснение, что обед у древних римлян обычно начинался с яйца и заканчивался фруктами. Воодушевленный успехом, я приступил к центральной надписи.

– Ad patres – к праотцам, то есть на тот свет, – прошептал я, и правая рука задрожала.

– Рановато. Так... Нервы.

Левой рукой подтянул свою аптечку, там нашелся персен. В инструкции значилось: «персен снимает чувство беспокойства и раздражительность, воздействует успокаивающе на людей в состоянии возбуждения и психоэмоционального напряжения».

– Блин, в самую точку, – и таблетка была запита водой.

Минут через пятнадцать дрожь утихла, и контроль над рукой восстановился, что позволило мне без проблем переодеться и перейти к изучению карты для выбора маршрута до ресторана. Мои размышления прервал стационарный телефон...

Глава 4

Высокая кухня

Из щебетания в трубке мне удалось понять, что на восемнадцать часов заказан трансфер, подадут за десять минут.

– To include in the bill at the hotel? – на всякий случай поинтересовался я, как смог сложив вопрос из огрызков знания английского языка, надеясь выпытать: во сколько мне это обойдется, когда услугу включают в счет отеля.

– No, transfer paid, – ответили в трубке, и это означало, что трансфер оплачен.

Решив себя больше не загружать тонкостями организации, я немного посмотрел телевизор и в положенное время спустился в холл.

Я лишь успел взглядом окинуть стойку ресепшен, администратор тут же кивнул, и рядом со мной вырос служащий в форменной одежде.

– Monsieur, please. Transfer, – произнес мужчина, указывая на выход.

«Уж как-то слишком много внимания», – пронеслось в голове, но служащий отеля уже распахнул дверь и, не давая мне опомниться, опередил, уже открывая дверцу большого белого седана незнакомой мне марки.

– La Maison Blanche, avenue Montaigne, – донеслось с водительского сиденья.

Интонации не допускали вариантов. Пришла трезвая мысль, что меня, возможно, за кого-то приняли... По крыше застучал дождь, и выяснять расхотелось. Но как можно ошибиться? Номер, паспорт, экскурсии, транспорт из аэропорта, билет на самолет в конце концов! Ладно, спишем этот лимузин на желание моей подруги сделать мне сюрприз. Из гипноза парижских видов сквозь слегка тонированные стекла меня вывела открытая дверь автомобиля. Дождя не было.

– Please, monsieur.

– Merci.

Дверь лифта рядом с входом в театр отъехала, мужчина внутри жестом пригласил меня. Ресторан оказался под самой крышей. La Maison Blanche расположен в золотом треугольнике Парижа, на крыше театра Елисейских Полей, недалеко от самых дорогих бутиков и отеля-дворца Plaza Athenee. С террасы заведения открывается чудный вид на Эйфелеву башню, Дом Инвалидов и Сену. Впрочем, дождливый апрель без весны не время для еды на открытом воздухе. Народу пока было немного. Официант прервал мои размышления.

– Monsieur...

– Reservation, Concorde Opera... – начал я.

– Yes, – не дал мне закончить темнокожий мужчина, – тут вид два.

– Говорите по русски?!

– Пять слова, tour Eiffel, – он указал в одну сторону, повернулся, – L'hôtel national des Invalides.

Я не стал возражать и сел за указанный стол. Принесли меню. Цены соответствовали антуражу и высоте заведения, что не было сюрпризом.

– Visa, MasterCard? – поинтересовался я.

– Yes.

Среди белых вин удалось найти и не очень дорогое, но целая бутылка на одного слишком много. Я вздохнул.

– No problem, bag! – официант тут же изобразил руками, как затыкает бутылку и ставит ее в сумку.

Но сегодня праздник, в конце концов... Я выбрал белое сухое вино приемлемой цены и углубился в изучение салатов и рыбы. Через некоторое время вернулся официант с высокой тележкой и специальным ведром для льда на ней. Бутылка была открыта в два движения рычажным штопором, и немного вина налито в бокал. Оно оказалось просто вкусным. Я кивнул. Бутылка отправилась в лед.

– This wine with fish, very good, – произнес алжирец, улыбаясь, – точно, wine дышать fifteen minutes.

– Хорошо, – мною были выбраны салат Organic salmon gravlax, «Hot-Cold» smoked, cucumber wasabi, crunchy radish and horseradish cream, что согласно заготовленному переводу меню этого сезона означало: маринованный лосось с теплыми огурцами. На горячее Steamed fillet of cod, Wild chanterelle mushrooms with celery, spinach coulis – филе трески с лисичками как-то там изысканно приготовленное – высокая кухня. Гарсон удалился, оставив меня за дальнейшим изучением меню. Легкий праздничный ужин так же легко перевалил за сто евро, Париж, однако. Принесли нечто изысканно распятое в высокохудожественной луже и отдаленно напоминавшее креветку – одну, одинокую креветку. Я осторожно посмотрел на китайскую пару за соседним столом, они изучали точно такое же произведение кулинарных фантазий и сравнивали с меню. Реакция была та же.

– Apéritif, présent, – произнес проходивший мимо официант.

«Хорошо хоть не салат за двадцать восемь евро», – подумал я, оторвав взгляд от изыска кулинарии. За окном, прямо над крышами Парижа сияла радуга.

Не сделать несколько снимков было бы преступлением, я оставил креветочный аперитив и успел к панорамному окну насладиться, пока небесное шоу еще не угасло. Возникло странное ощущение парения над крышами Парижа от одной радуги к ее зеркальному, более тусклому, размытому двойнику; из глубин души всплыло короткое чувство полного непонимания ситуации, незнакомое устройство в руках, чужой город у ног. Рука инстинктивно сжала блестящий поручень, холодный металл выдернул из грез. По дороге к столу накатило ощущения не своего тела. Несколько глотков вина восстановили восприятие реальности, хотя должны были затуманить мозги. Фотоаппарат снова не вызывал такого удивления. Просмотр последних снимков показал: они оказались вполне достойными, даже вторая радуга была четче благодаря особенностям оптики.

Как только гости заведения закончили гонять по тарелкам своих ракообразных, тут же стали подавать следующее блюдо. Принесли салат. Оказалось удивительно вкусно. Облака ушли к горизонту, на город, воспетый писателями и поэтами, опускался вечер. В темно-синем небе вспыхнули огни Эйфелевой башни. Искры вспыхивали на ее стройной фигуре в разных местах, усиливая романтическое настроение.

Как в театре – декорации, спектакль, действие, ощущения зрителя... Все эфемерные легенды сплавляются в один ком талантливой игрой актеров, рождая наслаждение, а Париж – он блестящий актер, но и цена высока.

Принесли рыбу. Смакуя миг, удивительный миг, подаренный мне в этот день, я ощутил надвигающийся приступ. Вместе с этим ощущением внутри моего «я» родился яростный защитный всплеск. «Испортить вечер, персен и бокал вина, пусть жизнь будет короче! Где-то в кармане...» Удивительно, но случился эффект внушения – никаких проблем, испытанных ранее, не последовало. Я отпил вина и приступил к рыбе.

Счет оказался не мой, из него я узнал, что посетители не особенно шикают в категориях La Maison Blanche. В Париже, конечно, есть места и дороже, но здесь грань между шикарным видом, кулинарной фантазией и ценой лежала где-то в пределах разумного. Впрочем, для обычного ужина *Cafe Marco Polo* мне было ближе, да и цена доступнее. Там не было ощущения театральной сцены. Размышления о парижских заведениях прервал алжирец с терминалом и счетом. Теперь это соответствовало заказанному ужину. Транзакция прошла очень быстро, я получил чек и два шарика мороженого, художественно расположившегося в кляксе сиропа, рожденной воображением повара.

– Pardon, – официант показал на чек и развел руками.

Затем он извлек бутылку из льда, вытер полотенцем, посмотрел на бокал, я покачал головой. Бутылка была заткнута и помещена в узкий пакет с ручками. Сервис соответствовал цене или мне повезло.

– Taxi, transfert?

– No, merci, – как мало я еще знал, наивный романтик. В месте печати на руке возник слабый зуд, но тут же пропал. Мороженое было запито глотком вина из бокала, приятный вечер завершился. Я помахал рукой алжирцу, проходившему через зал, и, взяв пакетик, отправился к лифту.

– До свиданья, месье, – произнес другой служащий на русском языке, и двери лифта открылись в ночной Париж.

– Merci... – произнес я, почувствовав подвох и тающую перспективу прогулки.

Белый лимузин с распахнутой дверью и тем же водителем рядом стоял у входа.

– Monsieur, please. Transfer.

«Сюрприз, однако», – подумал я, доставая купюру. Водитель отрицательно покачал головой.

– Может, удрать, – прошептал одними губами я.

– Concorde Opera Hotel, – строго произнес мужчина, беря у меня пакет.

По его интонациям я как никогда ясно ощутил бесперспективность попытки удрать.

– Да, полюбоваться огнями города любви не получится...

– No problem.

Трансфер немного удлинился и пролегал мимо основных красот в центре. Из акустики полилась тихая музыка. Мини экскурсия сопровождалась комментариями водителя на французском языке... Хотя любоваться ночным Парижем это не особенно мешало.

Глава 5

Возвращение к себе

В последний день была еще какая-то утренняя экскурсия. Погода несколько улучшилась, и я прогулялся по улочкам Монмартра от Красной мельницы до сувенирных лавок.

Кстати, посещение варьете оставило двойственное впечатление. С одной стороны, это великолепно подобранные длинноногие красавицы, но в сочетании с низкопробными номерами «аля уличное шапито»... Да и сами красавицы иногда халтурили, или меня посадили чуть выше уровня зала, или у выходцев из России чрезмерные требования к точности исполнения, не знаю. Например, я не очень люблю постановки Эйфмана, но безукоризненное качество танца и действия вызывает восхищение работой коллектива и мастера – несмотря на то, что это не мой жанр, хожу смотреть. Здесь же все портили неточности. Если уж задумана в сценарии линия ног, это должна быть линия, вне зависимости от красоты исходного материала!

Декорации Парижа все состоят из легенд и условностей, вплетенных в наше представление о нем, поэтому мои попытки найти лавку, где я купил сувенир, окончились полным провалом. В душе теплилась надежда стереть изображение с руки посредством чудодейственной салфетки. Но, увы – надежда не оправдалась. Или я неправильно запомнил место, или в этот день магазин не работал, на пыльной двери похожего заведения за мутным стеклом висела табличка «закрыто». Второй «точкой интереса» из этой темы могло послужить кладбище Монмартр, но особого желания еще раз прогуляться по нему не возникло, да и что-то внутри подсказывало: это пустая трата времени. Заморосил дождь, словно прогоняя меня со сцены. «Спектакль окончен, гаснет свет», – всплыло в памяти.

От добра добра не ищут, поэтому ужинать я отправился в знакомое кафе рядом с отелем – *Cafe Marco Polo*. Место в углу под красным глобусом со странными очертаниями оказалось свободно. Обстановка вполне отвечала обстоятельствам – последний вечер в Париже начался.

В свете предстоящего перелета я решил ограничиться бокалом белого вина. Заказал салат, рыбу на гриле с овощами, а десерт решил оставить на потом, если смогу еще есть, поскольку размер и вес блюд в данном заведении мог оказаться сюрпризом. Внутри ресторана проследовала большая группа мужчин, говоривших на французском языке. Принесли вино, через некоторое время салат. Увлечшись салатом, я пропустил, как во внутреннем зале завязалась драка, раздался грохот мебели. Туда ринулись официанты, а французы поспешили покинуть *Marco Polo*. В первом зале ресторана кроме меня остались китайцы. Пока я размышлял: не пора ли оплатить салат и «смыться», приехала какая-то служба, и сотрудники в форме прошли мимо. В душе возникло неприятное чувство испорченного вечера, несмотря на уютный диван, бокал вина на клетчатой скатерти с отражающимся глобусом люстры, пламя свечи... Эх Париж! Отражение красного шара медленно вращалось в вине. «Точно с коноплей, может, остаться и досмотреть», – подумал я и усмехнулся, расслабившись на мгновение. В ответ всплыла странная мысль: «Убегать не нужно, все закончилось, проблем не будет». Так, интуиция это конечно хорошее дело, но бьют обычно не по ней, а по лицу, я попытался осмысленно сделать выбор на сегодняшний вечер. Мимо прошествовали сотрудники вызванной службы, на спине одного я прочитал «*déminage*». Переводчик в планшете быстро нашел искомое слово – оказалось «разминирование».

– Теперь точно проблем не будет, – прошептал я.

Появился официант и поставил горячее, разлился восхитительный запах. «Ну? Пробовать будешь?» – спросило что-то внутри. Месье не уходил.

Пришлось отрезать кусочек филе, на его вкусе произошедшие события никак не отразились, а глоток белого вина смыл остатки негатива вместе с голосом советчика. Я кивнул и улыбнулся.

– Merci...

– Monsieur, pardon, – мужчина указал рукой внутрь ресторана.

– One glass, please.

– White?

– Yes.

Настроение улучшилось, я ел и размышлял. Больше меня беспокоила даже не драка в ресторане, а спазмы, да еще теперь эта «интуиция». В принципе симптомы, похоже, снимались алкоголем или персеном, в особых случаях соединением двух чудесных средств. Рыба и вино убывали. Но в сочетании с обедом или ужином бокал вина, наверное, не повредит, уж французы в этом не сомневаются точно, но если в качестве регулярного лекарства – это дорога к алкоголизму, в никуда. Успокоительные средства при постоянном приеме тоже не подарок, полицейский был прав – придется дома обратиться к специалисту.

«Интересно к какому? Шаману что ли?» – пронеслась странная мысль.

– Ага. Можно и к нему, – съязвил я, отпив еще вина, и тут же подумал, что разговорчики с внутренним голосом это намек на вполне определенную болезнь, тут и без специалиста понятно.

Я так увлекся рыбой и попытками самоанализа, что не заметил, как официант заменил пустой бокал другим, наполненным вином. Филе с овощами, наконец, было побеждено, захотелось десерт. Мороженое оказалось весьма вкусным, не какой-то там sorbet, а настоящее сливочное мороженое в красивой вазочке, политое персиковым сиропом, украшенное несколькими половинками клубничин без хвостиков в обрамлении шоколадной крошки. В сочетании с белым сухим вином десерт был вне конкуренции, пожалуй, с ним могли потягаться разводы мастера художественной кухни из La Maison Blanche, но ценовая победа, конечно, за высокой кухней и видом на каркас Эйфеля. Впрочем, декорации Парижских красот вполне компенсировало шоу улиц, сами жители, вместо могилы Наполеона – драка в соседнем зале. Вообще можно сказать, вечер удался.

Примерно через час после ужина, открыв окно, я увидел, как к ресторану приехала полиция, оперативненько, однако.

Наверное, все так во французской жизни – есть могильная плита с именем Леонардо да Винчи в готической часовне замка Амбуаз в городе Амбуазе, но нет могилы. Случился бунт, и захоронение было утеряно, как тактично сообщает историческая справка. Правда, есть запись в церковной книге... В честь Антуана де Сент-Экзюпери имеется памятная доска в Пантеоне, но нашли только самолет, на котором он разбился, потом медальон – далее все бросили...

Наш водитель, он же гид, офранцузившийся за двадцать лет в Париже русский, достаточно точно охарактеризовал особенность нации. Французы – превосходные ученые, инженеры, писатели. Список профессий и героев, достигших совершенства (как и у любого народа, проживающего на обширной территории) – бесконечен. Они не любят решать проблемы, они умудряются их «мусолить» до состояния Бастилии. То есть доводят смесь до взрыва, революции, потопа и тому подобное. Самое забавное, что этот катаклизм разносит все вокруг, так ничего и не решив. Тогда французы выходят на улицу, садятся за столик с бокалом вина и разводят руками. Далее история повторяется с пугающим постоянством вне зависимости от системы управления и исторического периода, потому невеселая шутка всемирной сети про «мечеть Парижской богородицы» просто ждет своего часа. Успеете увидеть Париж вашей мечты, пока он не стал похож на Аграбу Алладина, причем арабскую, арабскую с алжирским уклоном, китайскую или индусов... Вопрос перестройки уже решен, вот только дизайнеры еще в сомнениях. Кварталы граждан, живущих на пособие в третьем поколении, уже построены.

Регистрация с планшета прошла без проблем, и посадочный талон отправился на почту отеля.

Сборы вещей были недолгими. Процессу несколько мешало устойчивое желание не уезжать, но что можно делать в столице Франции без средств, языка, работы и так далее? На этот аргумент – «идея еще поплавать в богемных реках города любви» – возразить было нечего, и я приступил к паковке сувениров. Сначала хотел оставить учебник в отеле, но потом взглянул на клеймо, подумал минуту, вложил в книгу открытку, чек, засунул в тот же белый пакет и убрал грамматику в ручную кладь.

Утро немного испортил митинг господ с африканского континента, они несли портрет своего лидера и требовали то ли освободить, то ли посадить солидного господина в костюм. Полиция не вмешивалась, автобусы встали. Почему митинг проходил в Париже, для меня осталось тайной. Или снова «замаячило» темное колониальное прошлое и нерешенные проблемы? Пока я размышлял: идти на прогулку или побыть в номере, демонстрация удалась, и полицейские начали восстанавливать движение транспорта. У меня появились шансы на трансфер до аэропорта, но вместе с ними пришла головная боль и чувство тревоги. Эти симптомы только при попытке уехать меня пугали. Собственно, время прошло великолепно, весна в Париже удалась, если не считать температуры воздуха и происшествия на кладбище да испачканной руки. Но последнее могло случиться где угодно... Я засучил рукав, клеймо стало совсем черным и четким, оно не расплывалось как краски тату, а словно расплавленный металл стягивалось в линии проволоки в матовом стекле. На ощупь ткань не изменилась. Рука задрожала, чувство тревоги усилилось.

– Персен, – произнес я и выпил таблетку.

Постепенно болевые ощущения притупились, но не исчезли окончательно, пытаюсь пробиться через защиту «что-то скребло мозг, словно мышь, запертая в ловушке». Минут через двадцать боль ушла на задворки сознания, руке вернулись нормальные функции.

Я спустился в холл, где на ресепшен портье вручил мне посадочный талон и напомнил про время машины в аэропорт.

Небольшая прогулка у Лувра, кофе, и я вернулся к обозначенному времени.

Машина пришла точно. Недолгая сдача ключей, оплата заказов в номер. Водитель немного говорил на английском, мы даже что-то с ним обсудили. Пробок по дороге не было, но стоял хвост на подъезде к терминалу. Мой собеседник выругался и свернул на другую дорогу, ведущую куда-то вниз. Через три минуты мы оказались в грузовом терминале или паркинге для большегрузов. Француз довел меня до лифта и указал на кнопку.

– Registration.

– Merci.

Прошло совсем мало времени, лифт неслышно раздвинул двери, я оказался немного в стороне от стоек регистрации. Найти стойку Air France с рейсом AF 1664, Петербург не составило труда. Багаж уехал по транспортеру, я прошел предполетный досмотр и оказался на некоторое время предоставлен сам себе. Прогулялся по зоне беспошлинной торговли, нашел «Tax Free», предположение насчет гаремов, получающих налог при вылете домой, подтвердилось. Поскольку я не запасся сумочками Louis Vuitton и прочими атрибутами гламурного Парижа, данная услуга интереса не представляла.

Посадка на борт прошла быстро и четко, если не считать медленно усиливающейся головной боли. Место рядом со мной снова оказалось свободно. Я закрыл глаза и попытался массировать шею. В любом путешествии есть два обязательных приятных нюанса – отправление и возвращение. Сейчас наступил второй, и эта мысль отозвалась болезненным уколом, словно она раздражала что-то.

– Ха, можно подумать: есть выбор, – усмехнулся я, открыв глаза.

– С вами все в порядке? – спросила стюардесса.

Самолет уже выруливал на взлетную полосу аэропорта Шарль де Голль.

– Спасибо, нормально, немного болит голова.

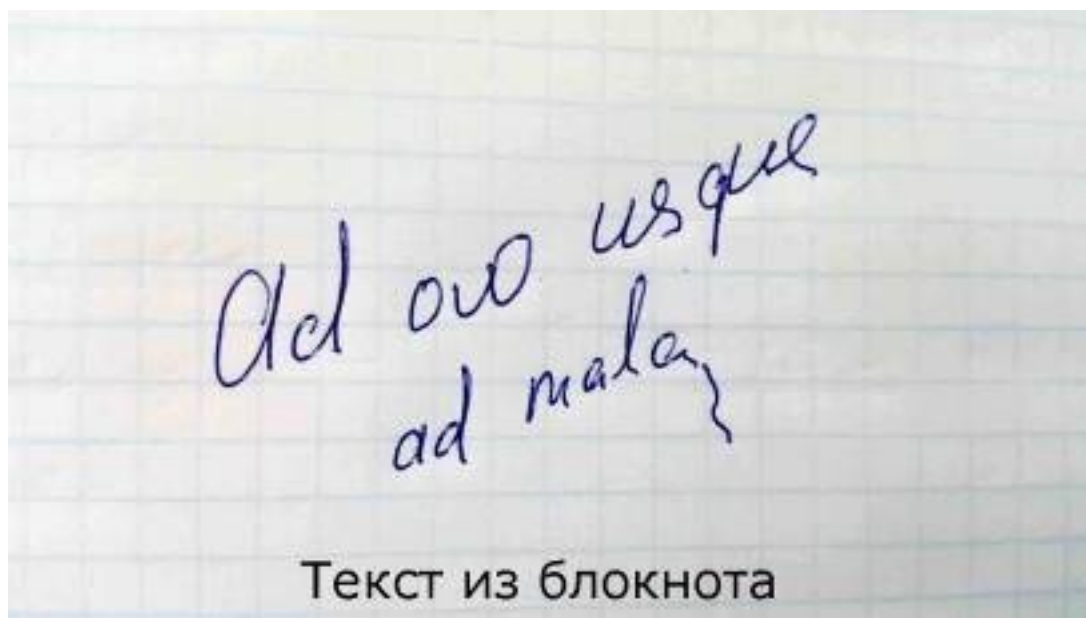
Через несколько минут машина плавно оторвалась от бетонных плит и, сделав разворот, стала круто набирать высоту. Экипаж не особенно церемонился с грузом, поэтому занял свой эшелон очень быстро. Надпись «пристегните ремни» погасла. В это мгновение я осознал, что головная боль прошла, наклонил голову, затем в другую сторону – ничего. Самочувствие было прекрасным, будто вынули занозу. Повезли еду. Напитки на выбор, и вино оказалось очень кстати.

В двадцать два пятнадцать самолет коснулся родной земли.

Глава 6

Предварительный диагноз

Весна перешла в лето, и я начал забывать о случившемся на кладбище Монмартр. Первый приступ случился в июле. На мое счастье все произошло дома, за просмотром телевизора... В поле зрения возникло пятно, оно стало мерцать, словно на передачу зрительной информации в мозг добавился шум. У пятна появился «хвостик», начавший раздвигаться как спиральная пружина, перекрывая зрительное поле. Пятно расплзлось, но стало более прозрачным, причем оно перемещалось вместе с направлением взгляда. Я снова ощутил приступ тревоги, как в Париже. Стало казаться, что я внутри бокса, где опустили полупрозрачные шторы. Попытался встать, в голове проснулась боль, словно стальной обруч сдавил голову. Не помню, как дошел до кухни и выпил успокоительное лекарство, присел за стол. Через минут пятнадцать спазм отступил, осталась только боль, всплывающая при каждом резком повороте головы. Зрение практически восстановилось. Посмотрел на руки, дрожи не было, в правой зажат карандаш, в раскрытом блокноте аккуратно написано «Ab ovo usque ad mala».

– Корявенько. Что-то раньше не писал на латыни... Так, а как это вдруг определил? Наверное, просто где-то уже такое видел, – прошептал я, отправившись к полке с сувенирами.

Надпись нашлась в печати на первом листе грамматики «От начала и до конца». Какое-то раздвоение личности: я не помнил, как написал фразу. Ну, допустим, она запала мне в память там, в отеле, но потеря контроля над телом пугала. Пришлось прибегнуть к совету полицейского – обратиться к доктору.

Доктор был найден по рекомендации и на деньги разводить не стал. Результат визита опечалил. Он примерно описал возможное развитие болезни, не назвав диагноза, лишь указал, что прочесть на эту тему для ознакомления с вопросом. Понимание процессов, как и особенностей собственного поведения и восприятия, могло немного затормозить развитие болезни, но не факт. С точки зрения врача процесс мог развиваться в разных направлениях – как стабилизироваться, так и пойти по нарастающей тенденции, причем возможны варианты. Вооруженный рекомендациями, я углубился в особенности проблемы...

Начнем с внешних признаков – поищем симптомы и признаки раздвоения личности. Ее иногда на бытовом уровне путают с шизофренией, но медицинские умы считают, что шизофрения ничего общего с синдромом расщепления личностной идентичности не имеет. Почитаем подробнее сеть:

«Шизофрения характеризуется наличием галлюцинаций, утратой реальности. Больные могут слышать голоса, часто не могут отличить воображаемые предметы от реально существующего мира. Все симптомы воспринимаются шизофрениками как следствия внешнего воздействия, а не присущие собственной личности. При шизофрении происходит отщепление некоторых функций психики от личности. При диссоциации же индивиды имеют в себе как минимум две альтернативные личности, которые сосуществуют в одном теле. Они характеризуются различным набором характеристик, могут иметь различный возраст и пол...» Да уж, а голос-то был, и советы давал, но как расценить попытки завладеть телом, а ведь не нужно себя обманывать, именно так и было. Пол еще, слава богу, тот же, хотя кто его знает. Получалось, что консультант не был уверен в диагнозе, он лишь не сомневался в наличии проблемы. Снова обратимся к сети. Теперь там есть все, и каждый может использовать эти знания как хочет со всеми вытекающими последствиями. Так, психология, раздвоение личности, нашел... «Симптомы этого заболевания – появление в человеке второй личности, осознание человеком себя как двух разных индивидов. То есть в одинаковых ситуациях один и тот же человек может вести себя по-разному, принимать диаметрально противоположные решения, по-разному смотреть на одни и те же вещи в зависимости от того, какая личность доминирует в данный момент. Если болезнь принимает серьезные масштабы, человек, у которого диагностировали раздвоение личности, может даже не помнить того, что делала одна из его личностей. Он как бы живет в двух разных измерениях, общается с разными людьми, совершает разные поступки. Наверное, многие слышали о людях, которые считают себя великими историческими личностями. На этом построена масса анекдотов и смешных рассказов, вот только когда подобное расстройство диагностируют у кого-то из родственников, близким становится не до смеха. Медики классифицируют раздвоение личности как одно из проявлений шизофрении». Мило, стало еще понятнее, уж если родственникам не до смеха, то мне, как пациенту, совсем не весело. Вернемся к сайту.

«В таком случае человек нуждается в серьезном лечении, нередко люди с данным психическим расстройством становятся пациентами специализированных лечебных учреждений».

– Елки зеленые, про кровать-то не шутка доктора, ладно, продолжим чтение. «Существует и более легкая форма такого явления, как раздвоение личности. Симптомы данного явления значительно отличаются от симптомов психического заболевания. В этом случае человек осознает себя как целостную единую личность, но может совершать поступки, делать выводы и говорить вещи, которые нельзя соединить в единую характеристику. У человека может постоянно меняться мнение об одном и том же явлении или объекте, в разное время он может по-разному реагировать на одну и ту же ситуацию. Например, робкий и застенчивый человек неожиданно начинает вести себя эпатажно и неординарно, привлекать к себе внимание и радоваться, если ему это удастся. Человек может делать вещи, которые обычно были ему абсолютно не свойственны, которые он не одобрял или осуждал. Очень часто раздвоение личности наблюдается под действием алкоголя или каких-либо наркотических препаратов. Люди, у которых действительно наблюдается раздвоение личности, рискуют получить еще более сильное психическое расстройство, так как они не могут найти примирения с самим собой. «Я» и второе «Я» человека никак не могут договориться, в результате чего у него возникает душевное беспокойство, нарушается сон, могут появиться головные боли и головокружения». У меня, кажется, наоборот – под действием спиртного все затихает... Впрочем, беспокойство и головные боли в полный рост – может, попробовать «договориться»? Ну, вот и признал себя легким шизофреником, еще почитаю и совсем свихнусь, самолечение, однако.

– Стоп. Причем тут лечение?! Просто знакомство с проблемой, – произнес я вслух, – а далее что написано?

«Сейчас данное явление становится довольно распространенным, поэтому незначительные проявления второй личности постепенно становятся нормой, но в случае, когда раздвоение личности становится причиной серьезных проблем, возникает необходимость обратиться к специалисту, поскольку самостоятельно решить эту проблему практически невозможно».

– У меня значительное или незначительное?! Ну, к специалисту обратился, и что? Вслух уже проговариваю.

Можно в диспансер обратиться – так ведь скажут: для общества не опасен, подумаешь, голоса в голове. Остается только вариант, где я уже был. Кстати, распространенное явление – это как понимать? В обществе начинают доминировать такие особи, соответственно то, что мы не можем вылечить и не решаемся назвать эпидемией, просто признаем нормой?! Соответственно и проблемы больше нет, значит, все нормально.

Обогащенный кашей знаний, я нанес второй визит в частную клинику. Выслушав меня еще раз, теперь более подробно, поскольку без теоретической подготовки я упустил некоторые детали, врач покачал головой и посоветовал в качестве первого лечения – отдохнуть. Сильные препараты пока не применять, купируя приступ тем же персеном. По его мнению – лечь под капельницу на кровать с ремнями я еще успею. От клейма доктор-юморист отмахнулся, сказав, что шизофреники с раздвоением личности и не такое накалывают, и грустно улыбнулся.

Может, действительно, никакого сувенирного магазина и не было, инцидент на кладбище Монмартр приснился, написал же я в блокноте фразу на латинском языке спонтанно. На вопрос, сколько времени у меня осталось до критической точки, доктор пожал плечами. Он считал, что, судя по предварительному описанию, дорога в проблемную категорию составит от пары месяцев до нескольких лет.

Приближалась осень, и мой, пока еще мой выбор между клиникой, оснащенной кроватью строгой фиксации, и романтическим островом как ни странно склонился в сторону последнего.

Объяснять, что мои желания и проблемы совершенно не совпали с концом-началом месяца, графиком отпусков и новыми инструкциями на работе подруги, наверное, не нужно. В целом повторился апрельский сценарий, обогатившийся фразой: «Подлечи нервы, если что, сковородкой по голове и...» Вообще следовало задуматься над этим, не над угрозой конечно, а над цепью событий, ее поведением, целях и роли в сценарии. Но более неотложные задачи, такие как визиты к доктору, отодвинули проблему на второй план.

Глава 7

Остров грез

Недолгий перелет Санкт-Петербург – Пальма де Майорка прошел без происшествий. Трансфер с табличкой уже ждал в зоне прибытия. Мягкое тепло и запахи бархатного сезона сразу же приняли в теплые объятия острова. Когда машина повернула к отелю, я к своему удивлению увидел двухэтажное строение с надписью BONANZA PLAYA на левой части здания и RIU на правой. Ни вида на море, ни верхнего этажа... В легком шоке меня передали вместе с чемоданом портъе, и водитель исчез. С тоской в сердце и глубокой печалью я наблюдал, как мой паспорт и ваучер с текстом «RIU PALACE BONANZA PLAYA STANDARD SEA VIEW» перекочевал в руки милой барышни.

– Good morning, sir. О, Россия. Говорите по русски?

– Да.

– Извините, номер еще готовится. Как просили – повыше.

– Спасибо.

– Я сейчас попрошу вас проводить, и вы покушаете, – девушка обернулась на часы, – завтрак еще не закончился, успеете. Чемодан поставьте в камеру хранения.

На ручку была быстро наклеена бирка с номером комнаты.

– Но...

– Вас проводят.

«Чтобы клиенты не надоедали», – мрачно подумал я. Народу было уже мало, еды много. Я расположился за столиком у окна и увидел внизу, за ухоженным внутренним двором и огромным бассейном море. ОТЕЛЬ стоял, прижавшись наружной стороной дуги корпуса к скале, а номера и ресторан со стеклянной стеной обращены к морю. Для любителей тишины и зелени часть комнат левого крыла смотрела на берег. После еды и бокала кавы (произведённое в Испании игристое вино) мое настроение улучшилось, и я вернулся в холл, где получил ключ от номера, немного рекламной продукции и пожелание приятного отдыха.

– Багаж в номере, – опередила естественный вопрос девушка за ресепшен, – я не одна говорю на русском, почти в каждую смену есть такой сотрудник, обращайтесь, если будут вопросы. Ужин начинается в семь, есть тематические ужины, но нужно записаться, проводится в отдельном зале. Можно заказать блюда из меню, это входит в стоимость вашего проживания. Вино и напитки вечером должны оплачиваться отдельно, распишитесь, пожалуйста, на бланке. Деньги на ужин можно не носить, просто подпишите счет и оплатите при отъезде. На ужин – dress code. Никаких пляжных тапок и шорт. Мужчины красивые, женщины очень красивые. Приятного отдыха.

Захотелось сказать: «Пожалуйста, помедленнее, я записываю», но теплое отношение персонала не позволило нахамить. Номер располагался в левой от ресторана части, почти на самом верху, или от чего считать... В общем, внутренний двор и море оказались прямо перед отелем. Вид из номера, дыхание моря и легкий ветерок от кавы полностью унесли тревоги «малоэтажности отеля» и размещения в нем.

Вечером ресторан выглядел иначе. При входе, проверив по списку, вручили аперитив и повели к свободному столику, который оказался у окна. Затем появился официант с меню и винной картой. Список блюд был невелик: два вида рыбы, мясо также двух видов, но приготовленное лично для вас и прямо сейчас. Я выбрал «лосось в шампанском» и погрузился в винную карту. Официант на время покинул меня. Не зная на чем остановиться, я загрустил. Отсутствие подружки, хорошо разбирающейся в винах, становилось проблемой. То, что нравилось на

основании моих жалких познаний, было в больших бутылках, мой выбор начал клониться к пиву. Неожиданно появившийся официант строго на меня посмотрел и покачал головой.

– Только вино. Белое.

– Говорите по русски?!

– Несколько слов.

Я попытался объяснить, что бутылка вина для меня – это весьма много. На это официант принес начатую бутылку, заткнутую пробкой. На бутылке красовалась наклейка с номером.

– The room number, in the fridge for tomorrow!

Стало ясно: отвертеться не получится, и вино было заказано. Мне дали попробовать, выбранное JOSE L. FERRER BLANC, BINISALEM MALLORCA, SPAIN оказалось просто вкусным. Я отпил еще и только собрался отправиться за едой, в изобилии расположившейся на стеллажах, лотках и полках, как появилась милая дама с планшетом, блокнотом и в вечернем платье.

– Добрый вечер. Я администратор, отвечающий за русскоговорящих клиентов.

– Добрый.

– Вы довольны столиком?

– Вполне, – рассеянно ответил я, окинув взглядом великолепную панораму после закатного моря.

– Значит, я могу закрепить на время вашего пребывания столик за вами?

– ?!

– У нас вечером принято так, место гостя на ужин закрепляется за ним, завтракать можно с семи до одиннадцати, располагаясь там, где свободно. Вам не сказали?!

– Сказали.

Далее я был посвящен в список мероприятий, набор услуг, и надо сказать, весьма внушительный. Пришлось расслабиться и получить удовольствие, в конце концов, появление новых клиентов со знанием русского языка избавило меня от опеки администратора. Вдаваться в подробности вкусовых ощущений, запахов, винного послевкусия, наверное, бессмысленно... Насладившись всем великолепием еды в объеме моих скромных возможностей, я немного прошелся вдоль моря и отправился спать.

Утром проснулся бодрым и отдохнувшим, лишь несколько беспокоил странный сон... Но я списал его на перелет и акклиматизацию моего ослабшего организма. Мне снилось, будто мое «я» или нечто, лишенное тела, покоится в перепутанной массе нитей, проводов или чего-то подобного, не имеющего границ. По некоторым, скорее похожим на тонкие трубки, пробегали огоньки, эти транспортные каналы вздрагивали, другие казались «мертвыми» из-за неподвижности и тусклости. Вся странная система напоминала перепутанные клубки шерстяных ниток, не имеющих окончания. Мои попытки выбраться из этой среды не имели заметного результата, а вот странное желание распутать нити, найти концы – возымело необычный эффект. Мысленно я начал покачивать и пробовать тянуть за разнообразные трубки, нити, провода... Некоторые никак не реагировали, оставаясь совершенно неподвижными, другие имели некоторую свободу. Наконец попался провод, вытащившийся из массы, я «потянул» его, провод поддался и начал быстро скручиваться, укладываясь в бухту. Как только второй свободный конец оказался рядом со мной, по бухте пробежали искорки, и она пропала, освободив немного свободного места. Причем, по какому принципу удавалось вытащить нити, определить не удалось, поддавались как безжизненные, так и с искрами, тонкие, толстые, цветные, серые. За этим увлекательным занятием я и провел ночь. Самое интересное, что занятие по «распутыванию» шерсти совершенно не утомило, скорее, прибавило сил, видимо, все это было побочным эффектом болезни.

День прошел в праздном ничегонеделании. Я посетил местный общественный пляж, не особенно большой, но начало осени уменьшило количество отдыхающих, и они вполне сво-

бодно уместились на теплом песке перед бухтой с водой, имеющей температуру где-то двадцать семь градусов. После была поездка в Пальму на автобусе, короткая прогулка по столице острова. В процессе этих восхитительных бессмысленных занятий на завтра был заказан прокатный автомобиль на один день. Остров отличался удобными дорогами, спокойным движением и довольно далеко расположенными достопримечательностями. Отправляться на экскурсию не хотелось, а, например, в некоторые места из-за удаленности от отеля или сложности проезда организовано на автобусах вообще не возили. После ужина перед отелем выступал местный коллектив – три девушки и парень, танцевали надо сказать очень достойно. Должно быть администрация отеля любила своих гостей, заботилась не только о качестве еды, но и об анимации, причем уровень последней был весьма высок, и слово «анимация» звучало как-то оскорбительно. Посмотрев некоторое время шоу, я обошел огромный открытый бассейн с рядами лежаков вокруг, на одном из которых, поближе к морю, дремал здоровенный темный кот. У перил, отделяющих подсвеченный мир отдыха и южную ночь – никого не было. За голубой водой бассейна, перед огнями отеля играла испанская музыка, она смешивалась с шумом моря, запахом водорослей; далеко, вправо – огни. Пальмы обозначали берег, а за спиной ласково и лениво переваливалось Средиземное море. Россыпи звезд завершали великолепие южной ночи. Я стоял на этой грани между мирами не в силах пошевелиться, растворяясь в великолепии перехода малого мира людей, исчезающе малого в необъятном величии Вселенной. Наступила полная если не нирвана, то релаксация, покой.

– Выбираешь? – прозвучал отчетливый вопрос.

Я потянулся к карману в поисках тавигила, персена или аналогов, в мозгу строилась цепь действий и последствий.

– Подожди, давай обсудим...

Вокруг никого, кроме дремавшего кота, не было. Рука выпустила упаковку таблеток, так и не достав их из кармана.

– Ты – вторая личность?!

– Ну не кот же, в самом деле!

– Она еще и шутит. Доктор не говорил о столь быстром прогрессе...

– А что еще говорил твой доктор? – в вопросе прозвучали неприкрытые интерес, эмоции, сарказм.

– У моего второго я есть эмоции?

– Так вот оно что... А почему, собственно, я – второе?

Рука осторожно потянулась к карману, таблетки были на месте.

– Появился позже.

– Звучит двусмысленно, но уж точно раньше тебя. Раньше всей вашей цивилизации.

– Да, не повезло. Наполеон и то лучше, его как и прокурора лечат. Остается только утопиться.

– А как же душа?

– Может, ее простят, если изживу тебя, – мрачно изрек я в темноту.

Наступила тишина. Звездный купол словно раздвинулся, обхватив мысленно. Мне стало казаться, что человеческий берег отдалился, меня словно выдвинуло на тонком черном мосту во Вселенную, ничтожную искру жизни, столь малую, что ее просто не существует в сравнении с пламенем звезд.

– Как красиво. Ты считаешь, что я дьявол?!

– Ты и это чувствуешь?

– Отчасти.

– Значит, пока полный контроль не наступил...

– С тобой возникла проблема, боюсь, он не наступит.

– Для кого проблема, а для кого удача.

– А идея-то классная! Ты отличаешься, ваша среда сильно изменилась, очень динамична. Вчера ты сумел демонтировать паразитные соединения, пусть ничтожную часть... Для тебя не имел значения тип!

– Ерунда, сон приснился.

– Не перебивай. Это позволило строить обмен информацией... Потрясающе! Предлагаю сделку.

– Сделку с дьяволом, что вселился в меня...

– Да причем тут дьявол! Ты нормальный?

Этот вопрос развеселил меня, и что-то переключилось внутри моего я, напомнив о прочитанном материале на тему вариантов течения болезни.

– После удара головой о кладбищенское надгробие личность распалась на две, одна у другой спрашивает: ты нормальный? Причем пациент разговаривает вслух, второго собеседника нет. Психиатрия в тупике, – я рассмеялся.

– Хорошо. А что еще говорит ваша современная психиатрия?

– Наша, – хмыкнул я, – она говорит, что продлить жизнь, оттянув полное разрушения личности, возможно, если поделившиеся особи договорятся между собой, но это редко удается.

– А я что предлагаю?! Правда, термин «поделившиеся» не особенно мне нравится, не подходит.

– А какой подходит?

– Скорее, поселившийся.

– ?!

– Ладно, пока оставим это, я докажу. Договариваться согласен?

– Однако. С кем? С моим психозом подписать договор... Пару вопросов?

Визави пропустил колкость без ответа.

– Валяй.

– Проблемы в парижском отеле, ресторане твоих рук дело?

– Да. Я пытался перехватить управление. Не получилось, произошел сбой подсоединения, попытка полной перезаписи не удалась.

– Так и тело можно угробить. Ничего не понял, но не делай так, а то какие-нибудь двери в лифте голову оторвут, будет нечего перезаписывать. У тебя как-то с моей средой обитания, надо думать, не задалось.

– Признаю. Хорошо. Что еще?

– Да много... Но пока, поскольку бесплатный сыр бывает только в мышеловке, ты же добивался полного контроля над телом? Зачем?

Оппонент проигнорировал вопрос.

– Ты куда-то завтра собирался в путешествие по острову?

– Все знаешь?

– Есть общие области... Так какие планы?

– Прокатиться на машине, – странно, оно перестало раздражать.

– На ней ты улетел из Парижа?! Мы едва не расстались!

– Нет, эта маленькая, бегают только в пределах Майорки.

– Если я тебе что-то покажу? Или маршрут выбран?

– В навигаторе несколько, – осторожно произнес я.

– В ком? Это слуга? Проводник?!

– Это такая коробка, вычислительное устройство, которое показывает, где оно, рисуя карту местности, помогает найти дорогу. Короче, куда хочешь?

– Замок Саpдеpега, сколько дней пути?

– Красивое место. Часа три, примерно, надо смотреть...

– Превосходно!

– Пошли спать, музыка стихла, значит – двадцать три часа. Поездка требует свежей головы, и мне нужно как-то научиться разговаривать с тобой, не произнося ничего вслух.

– Почему?

– Свяжут и изолируют. Там препараты другие, не мои таблетки. Медицина у нас такая...

– Я подумаю. Во сне не распутывай ничего, просто отдохни.

Бархат ночи вернул меня на мыс. Кота уже не было, ночной собеседник пропал. Я поднялся в номер и, приняв душ, лег спать.

Глава 8

Дорога в Арта, музыка Ада

Ночь прошла без снов. Великолепный восход принес запах утреннего моря, солнце только осветило небо, готовясь подняться из-за горизонта. Я умылся и отправился завтракать. Прокат машины был заказан на девять утра, нужно было прибыть вовремя. Сколько это все занимает времени, долго ли длиться оформление, я не знал. Вкушать пищу, любуясь, как солнце поднимается над линией моря, меняя палитру мира, доставляло огромное удовольствие. От шампанского на завтрак пришлось отказаться, предстояло ехать за рулем, но это ничуть не испортило утро. К общему удовольствию добавилось чувство, что как-то лучше работает организм, да еще давно расплзшийся небольшой сеткой под кожей на бедре сосуд потемнел и немного ушел в тело. Я, упаковав рюкзачок, не поленился снова взглянуть на это место, отметив про себя, что нужно спросить о произошедшем моего визави.

Стеклянная стена холла отеля выходила на море. Солнечная дорожка по мере подъема светила стала светло-желтой, скорее даже почти серебристо-белой. В девять с минутами в холле появился молодой мужчина с папкой. Он спросил что-то на ресепшен, девушка показала в мою сторону. С помощью милой особы мне разъяснили тонкости проката авто в конкретной конторе. Когда служащий узнал, что мне нужен вариант с полной страховкой, самый дорогой, и на этом я не собираюсь экономить, что проживаю в BONANZA PLAYA, интерес к остальным деталям моей персоны угас и перешел в плоскость «сделать клиенту удобно». От меня требовались права и наличные или банковская карта. Ключи могу отдать на стойке, если машина сегодня больше не нужна. Время аренды заканчивается в девять вечера, но если задержусь – ничего страшного, но с полуночи пойдет следующий день. Бак полный, с таким нужно и вернуть автомобиль. Проколы колес ремонтирую за свой счет. За следующие пять минут все было заполнено, деньги заплачены, вручен договор. После короткой инструкции я остался на стоянке у отеля с Пежо серии двести, чисто вымытым, оснащенным кондиционером, механической коробкой передач и пробежавшим всего пятнадцать тысяч километров.

Устроившись в водительском кресле, я прилепил навигатор, включил музыку, проехал до ближайшей бензоколонки, купил там бутылку воды, посмотрел цены на топливо. Затем нашел заготовленный дома маршрут к крепости Capdepera.

– Так, наверное, мое второе «я» не будет возражать, если мы посетим пещеры Арта, они практически по пути. Cuevas de Artà, добавить... Ага, девяносто семь километров, где-то час двадцать в одну сторону.

– Я не помешаю?

– Нет, если не будешь пытаться рулить, а смотреть и разговаривать – пожалуйста.

– Мы же договорились. Насчет пещер – возражать не буду.

– Тогда в путь. В машине мы можем разговаривать. По крайней мере я могу себе отвечать вслух... Точно психоз.

– Но в стабильной фазе, что уже хорошо.

Мне показалось – оно хихикнуло.

– Не поспоришь. Кстати, я как-то лучше себя чувствую... И сосуды на ноге твоих рук, в смысле мозгов, блин... Моих мозгов, кошмар.

– Оставим терминологию на потом. В некотором роде. Я попробовал немного подправить полочки. Подождем результата, сразу опасно, можно испортить тело.

– Почти вечная молодость за душу дьяволу!

– Что он тебе так дался?!

– Подходит больше всего по ситуации.

– Это литературный стереотип, «не поминай всуе», – написано в писании. Здесь просто взаимный интерес. Ты же «нити» во сне распутывал, и я попробовал, так шаг за шагом общими усилиями поправим функционал.

– Я уже в этих нитях сам запутываюсь, о, тоннель, а после него сразу направо, на объездную дорогу вокруг Пальмы.

– Вот запутываться не надо. Если к этой...

– Шизофрении, – произнес я, встраиваясь в не особенно плотный поток машин.

– Да, добавить еще и запутывание разделившихся личностей... Не то что таблетки, капельница не поможет.

– Перспектива, однако. Так что же лучше – четкая локализация возникших «особей» или взаимопроникновение и размытие границ? Нужно почитать.

– Для тебя границы, впрочем, и мне лучше будет. Какое-то неожиданное сочетание, посмотрим, что получится из этой истории.

Навстречу бежало скоростное шоссе, огибавшее Пальму, столицу острова, с севера. Нужно было не пропустить поворот на Манасог. Прекрасный отдых, возможно, оттягивающий финал. «Шизофреник с раздвоением личности», – пронеслась мысль. Навигатор изобразил предстоящий поворот налево. Основная магистраль шла в тоннель, мне нужно было уйти вправо, и на круговом перекрестке – третий выезд... Активное утреннее движение происходило на небольшой скорости, что позволило мне спокойно выехать на кольцо, успеть не только сосчитать повороты и услышать голос навигатора, но также прочитывать указатели.

– Ага, Манасог. Туда. Уфф. Теперь впереди еще одно кольцо.

По прямой, до развилки где-то восемьсот метров. «На кольце второй выезд, прямо по указателю «Манасог», – снова сформировалась мысль.

– Второе, уфф. Теперь где-то пятьдесят километров по прямой, надеюсь, знак семьдесят дальше отменят.

– Мы можем говорить?

– Да.

– Я слышал две мысли. Касательно первой, если развить, то финал можно сильно оттянуть, поскольку если никто не знает, а ты с плакатом «я псих» не ходишь, с чего тебя будут лечить? Ну и второе: «на кольце второй выезд, прямо по указателю...» Только мы собирались не в него?

– Да, скоростное шоссе проходит через этот городок, прямой путь, минуя населенные пункты на берегу. Если верить навигатору, то обогнем городок и проедем на берег, к пещерам, а от них уже в крепость, крюк небольшой.

«Путешествия отвлекают психов от их проблем. Интересно, кто придумал эту чушь?»

– Особенно, если они продолжают беседовать сами с собой... – у визави появилась интонационная окраска, теперь его «голос» звучал в голове более ярко.

– Ну, если избавиться от тебя не получится, то хотя бы поговорить.

– Кстати, что значит: верить навигатору? Это же прибор.

– Ага. Только карты в него записали люди, что-то забыли, платформа устарела, программу расчета не отладили... Кто первый на рынок вышел, того и тапки.

– Не понял последнюю мысль.

– Первые получают максимум прибыли при соответствующем маркетинге, и неважно, что большая часть сведений – неприкрытое вранье, а программа в приборе будет обновляться еще много раз, чтобы убрать ошибки и добавить новые. Вся наша техника становится такой. Мы уже не можем довести изделия до совершенства, не хватает мозгов и времени.

– А в процессе потребления появляется нечто на замену, и история повторяется.

– Совершенно верно.

– Но цивилизация развивается...

– Как растет опухоль, бурный уродливый рост.

– Все это очень похоже...

За философской беседой мы приблизились к городку Манасог, навигатор предупредил об очередном кольцевом пересечении и уходе на объездную дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.